

При многих своих противоречиях и недостатках современная теория литературы все же с достаточной полнотой охватывает свой предмет и, что очень существенно, устанавливает органическую связь между различными сторонами художественного творчества, в том числе и языком (а стихотворный язык — прежде всего язык!). И включение стиховедения в общую систему теоретико-литературных понятий, рассмотрение стиха в единстве со всеми другими сторонами литературного произведения является по сути дела необходимой, назревшей, одной из основных его задач. В этом отношении никак нельзя принять позиции В. Баевского и П. Руднева, стремящихся рассматривать стиховедение как «особую отрасль филологической науки со своим объектом изучения и со своими методами» («Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка», 1975, № 5, с. 440), занимающую особое место среди гуманитарных наук (с. 447), и пытающихся даже выделить наиболее перспективные направления развития стиховедения (с. 440). Естественно, что эти перспективы, изложенные авторами во Введении к библиографии работ по изучению русского стиха в 1973 г., сводятся к перечислению традиционных разделов стиховедения (строфика, ритмика, рифма, фоника) и к крайне субъективной оценке работ, вышедших в 1973 г., что приводит к характеристике явно ошибочных положений как научных достижений. Можно ли, например, устанавливать прямую связь между темой и метром стиха и тем более между метром и художественным методом? Очевидно, что между этими понятиями провести прямолинейное соотношение совершенно невозможно. Метр не может ни передавать особенности темы, ни соответствовать какому-либо художественному методу. Об этом давно писал Б. Томашевский (значение работ которого справедливо высоко оценивают авторы). «Оформление фразы, — писал он, — связано только с эмоционально-экспрессивными элементами, а не с ее темой. Никакая статистика здесь не поможет делу, так как основывается на ложной предпосылке, допускающей возможность поисков прямой связи там, где ее не может быть... Стих оформляет только эмоционально-экспрессивные элементы речи и помогает найти правильную интонацию, которая в конечном счете диктуется смыслом и характером произносимого» («Стих и язык». М. — Л., 1959, с. 182, 199).

Но у В. Баевского и П. Руднева мы читаем: «Переход от романтизма к реализму сказался в метрике резким разрывом традиционных связей метров с жанрами и темами» (с. 446). Очевидно, что речь должна идти не об особом месте стиховедения «среди гуманитарных наук», а об элементарном понимании таких категорий теории литературы, как тема и метод, несущих в себе идеологическое содержание, которое в метре стиха не может быть обнаружено. В той статье, из которой авторы вынули приведенный пример, мы имеем дело с известной аргументацией, с примерами и пр., но в трактовке авторов он приобрел крайне упрощенный характер. Здесь, конечно, существенный шаг назад сравнительно с анализом стиха, предлагаемым Б. Томашевским, а вовсе не вперед, как, очевидно, полагают авторы.

Позиция их в этом отношении в конечном счете связана с очень распространенной у нас, к сожалению, заменой понятия «содержание» понятием «смысл». Авторы отстаивают эту замену, ссылаясь на то, что «категория смысла — одна из общепринятых в философии, примеры ее использования многократно встречаем у В. И. Ленина», в подкрепление они приводят строфу из стихотворения Н. Заболоцкого «Смысла живая основа» (с. 442). Кто же будет отрицать значение категории смысла? Все дело в том, что она проявляется по-разному в различных идеологических областях. Одной из основных особенностей искусства является то, что оно имеет объективно-субъективный характер. Это, в частности, выражается в том, что художник не прямолинейно доводит до читателя или зрителя свое понимание жизни (как в науке, в политике, в быту и пр.), а ставит между собой и ими своеобразного «посредника»: в пьесе это отношения действующих лиц,